

Лия Баранкевич

ДУАЛИЗМ ПОМИНАЛЬНЫХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

В 2002 году фольклорная экспедиция БГАМ под научным руководством Л.Ф. Костюковец проходила в Кричевском районе Могилевской области. Уже ближе к ее завершению мы несколько раз проводили сеансы записи на территории современной Смоленской области в деревне Зимонино [*1], которая в настоящее время расположена на самой границе между Беларусью и Россией. Роль межи, разделяющей наши страны в этом регионе, выполняет река Остёр.

Современная деревня Зимонино Надейковичского с/с Шумячского района Смоленской области до передачи части белорусских земель в состав России в 20-х годах XX в. входила в состав Климовичского уезда Могилёвской губернии, а ещё раньше – Великого княжества Литовского. В наши дни Зимонино – «Памятник археологии общероссийского значения» [2]. Археологами в 1 км к юго-востоку от деревни открыты 38 курганов. «Шаровидные курганы высотой до 3,5 м насыпаны древнерусским населением в XI–начале XIII века» – читаем мы в электронной википедии [2]. Так как территория современного Зимонино в указанный период была заселена кривичскими племенами, традиционная культура автохтонных жителей Зимонино в наши дни представляет собой наследие предков – западных балтов кривичей.

Во время фольклорной экспедиции БГАМ под научным руководством Л.Ф. Костюковец 2002 года нами были зафиксированы замечательные образцы поминальных духовных стихов и псалм. Самым ярким событием, настоящей духовной радостью стала фиксация фрагмента духовного стиха о Голубиной книге – «Із-за леса, леса цёмныга» от белорусской исполнительницы Анны Лукьяновны Мураевой (1917 г. р.) из деревни Зимонино Шумячского района Смоленской области. Певица на тот момент приболела (охрипла) и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы запись вообще состоялась. Анна Лукьяновна спела несколько строк мировоззренческого духовного стиха «па сыштку», в который этот, а также популярные на Смоленщине поминальные духовные стихи «списала з сыштку ў старой жанчыны з г. Пачанок гадоў 30 – 35 таму», – как сказала сама певица. Из-за того, что последний лист в тетради был утрачен, Анна Лукьяновна спела лишь небольшой отрывок. Тот факт, что стих был зафиксирован нами не от непосредственного представителя традиции

складывания и исполнения духовных стихов, а от вторичного информатора, во многом объясняет лаконичность варианта и его незавершенность.

Пение поминальных духовных стихов и псалм во время различных этапов чрезвычайно развитого на территории Смоленской области погребального и поминального обрядов и в наши дни является обязательным. Об этом может свидетельствовать изданный в 2003 г. II том Смоленского музыкально-этнографического сборника, полностью посвященный похоронному обряду, плачам и поминальным стихам Смоленщины [6]. К сожалению, приводя духовные стихи пограничного региона, авторы ничего не говорят о национальном своеобразии области, большая часть жителей которой является белорусами (весь материал представлен как русский). Традиция похорон и поминов (как называется обряд на указанной Смоленшине) на территории русско-белорусского пограничья раскрывается в статье Е. Н. Разумовской [3, 88 – 107], о поминальных обрядах 40-го дня в д. Бересток рассказывает А. В. Сергаева в своей публикации в журнале «Живая старина» [5]. В 2003 г. под моим руководством студенткой отделения «музыковедение» ФКМ факультета БГАМ Е. Фёдоровой была написана курсовая работа по фольклору «Духоўныя вершы Крычаўска-Шумячскага памежжа, запісаныя ў фалькорнай экспедыцыі 2002 г. пад кірауніцтвам Л. П. Касцюкавец».

Один из ярких моментов в раскрытии образов поминальных духовных стихов – постоянное соотношение двух миров – христианского мировоззрения (в его православном преломлении) и языческого.

Ознакомившись с репертуаром поминальных и погребальных духовных стихов и псалм по Смоленскому сборнику [6], можно сделать вывод, что в наши дни во время похорон и помина исполняются как духовные стихи различных жанров (эсхатологические, апокалиптические, социальной направленности, агиографические), так и псалмы. Часто звучат лирнические псалмы «Сиротка», о Юрии и цмоке, известные рождественские псалмы-колядки, страстные псалмы. Поют на похоронах и баллады [*2].

Обозначение различных видов и жанров одним условным названием «духовные стихи» (в данном случае – поминальные) было свойственно этнографическим, а также песенным сборникам XIX – начала XX веков. Большое место среди поминальных стихов в современном Смоленском этнографическом сборнике отведено «Лазарю» [6, №№ 193 – 202, 479 – 495], который, опираясь на данные этнографов XIX – начала XX вв., а также современные записи, не является собственно поминальным стихом. Как отмечают сами авторы Сборника, такое переосмысление функционирования духовных стихов различных жанров может свидетельствовать о трансформации погребально-поминального обряда Смоленщины на протяжении XX в.: «Вполне возможно, что приуроченность стихов к похоронному обряду – явление относительно недавнего времени, однако обеспечившее хорошую сохранность этого жанра благодаря постоянной его востребованности. <...> стихи заполнили собой лакуны, образовавшиеся в условиях отсутствия церковных богослужений, и стали своеобразными

заместителями церковных песнопений чина отпевания» [6, 136]. На территории Смоленской области сейчас в качестве «поминальных» поются стихи и псалмы различных жанров, которые в сознании певиц [* 3] вообще ассоциируются со святыми песнями, исполняемыми в самый трагичный момент – на похоронах. Поэтому здесь естественно появление в качестве поминальных таких стихов, как Алексей Божий человек, Сон Пресвятой Богородицы и других.

Без сомнения, на переосмысление духовных стихов повлияло также исчезновение института лирниства-старцов, которые здесь жили и пели стихи под аккомпанемент лиры еще до войны (об этом в Смоленском сборнике приводятся ценные сведения). Наша исполнительница А. Л. Мураева на вопрос о лирниках сообщила: «*Адзін нішчэй. Па кустах хадзіў з Дзягавіч*». На вопрос, как его звали, ответила: «*Сяргей. Можа, і Бародзіч, нам гаварылі, быў з Дзягавіч...* *О, так неў дужа ён хараши. Песні неў і як кароў выганаюць, на ранке, і пакойнікаў памінаў вот так эта, і на ліры іграў ён. Із Дзягавіч быў, чалавек такі хадзіў. Толькі ён адну песню спеваў, так эта не песня, а проста малітва такая – дажэ забыла. Пра Лазаря ета ён співаў*» [* 4]. На мой же вопрос, пел ли он «Алексея Божьего человека», певица сказала: «*Тож, кажэцца, спеваў ета. <...> Пасля вайны лірнікаў не было. Толька да вайны*». О «жалобных стихах» (как называли поминальные духовные стихи в Могилевской губернии) в свое время писал Е. Романов в «Очерке быта ниших Могилевской губернии и их условный язык («любецкий элемент»)»: они «наиболее любимые и весьма распространенные над покойниками, вместо чтения псалтири и при погребении в отсутствии причта» [4, 123].

Сюжеты стихов, зафиксированных нами от четырех исполнителей [*5] в различные дни записи, следующие: о расставании души с телом, плач земли с включением мотива страшного суда, сон Пресвятой Богородицы, о младом юноше [*6], встреча Божьей Матери с тремя «юдамі нікряшчонымі». Собственно поминальные стихи исполняются при прощании с умершим на помине. В наших записях – это варианты с инципитами «А пакойная душа Богу моліцца», «А пакойная душа ўсё «прашчай» гаваріць», «А пакойная душа са двара уходзіць», «Как у горенкі, как у новенькой». Многие стихи исполняются ночью, над покойным – «Как уснула (імя) да крепкам сном».

Не совсем обычно восприятие самими исполнителями главного персонажа духовных стихов о расставании покойной души (имярек) с телом. С одной стороны – она уже ушла в мир иной, с другого ракурса – такой же живой человек, как и все присутствующие во время помина: «*А Валодзіна душа Богу моліцца, Богу моліцца (й), дамой просіцца: «А пусціця дамой – сянні помін(ы) мой, сянні помін(ы) мой, а я сам пыгляжу за парядычкам»*. Такое двоемирное – дуалистичное восприятие мира живых и мёртвых – типичное явление в поминальных духовных стихах. Стихи здесь словно выполняют функцию связующей нити, объединяющей два мира. Даже исполнение духовных стихов – отстранённое. Самы родные, переживающие горе, в большинстве случаев не поют, а только присутствуют при

неподвластных реальному восприятию диалогах с ушедшими родственниками. Это внешнее спокойствие, с которым исполняются поминальные духовные стихи, на самом деле имеют большое психологическое, терапевтическое значение. Они призваны помочь людям пережить постигшие их горе потери родного человека. Главный смысл этих произведений – тема неизбежности смерти в христианском смысле – душа неподвластна смерти, а, значит, смерть не страшна, пройдёт определённый отрезок времени и родные обязательно встретятся, потому и разговаривают с душами умерших родственников на удивление спокойно, ласково, с использованием уменьшительно-ласкательной лексики, нежных эпитетов: «мамычка», «радзіцелькі». Поэтика поминальных духовных стихов родственна сиротским свадебным песням. Эти жанры объединяют общие лексические комплексы – обращения к умершим родителям, невозможность поднять их из могилы: «*Адгукнулась мама у цёмнай цямніцэ, У цёмнай цямніцэ, у чорнай грабніцэ. А я ціпер, дзеткі, за трёмі замкамі. Первы мой замочэк – зямелька, дзярnochэк. А другой мой замочэк – жоўченкі пясочэк. А треці мой замочэк – грабавыя доскі*», – слышим мы в поминальном духовном стихе, прочитанном А. Л. Мураевой.

Другая жанровая сфера, с которой наиболее близко соприкасаются поминальные духовные стихи, – плачи, причеты, голосования.

В поминальном обряде Смоленщины особо следует отметить восприятие поминального стола у поющих. Этот образ с его «*сталамі цясовымі, пазасланымі*», «*госцікамі зазванымі*» [6, № 13, 333], «*скатертями бялёными*», воскрешает традиционное застолье из свадебных песен. С большой силой воспринимается эта страшная параллель с золотым сечением жизненного цикла – свадебным застольем – и горестным неизбежным завершением – поминальным прощальной трапезой.

Отметим частый образ церкви в поминальных стихах. Здесь певцы используют символику золотого креста, книг тяжёлых, свечей зажжённых. С этим символом христианства тесно связана символика «Сиенской» горы, которая находит широкое отражение в апокрифических текстах всевозможных духовных стихов.

Особое, земное восприятие загробной жизни никоим образом не входит в противоречие с реальной. И тут, и там – объективная жизнь. В этом – своеобразие отражения времени, его хронологическая несовместимость, что мы неоднократно отмечаем в качестве эпической черты в духовных стихах [*7]. Перед нами – одновременное сосуществование нескольких временных пластов, многомерность пространства поминальных духовных стихов. Апокрифичность последних, их земной, несколько наивный, даже непосредственный, характер проявляется в обязательных эпизодах встречи душ умерших с самим Христом (или Божьей Матерью, в некоторых стихах – «манашками» – чернушками). В духовном стихе «Дароженька нытарёныя» слышим: «*Там ишла-прайшла душа Дуськина. А навстречу к ней сам Иисус Христос*» [6, № 16, 337]. В другом поминальном стихе поётся:

– Куда идтия, манашечки?

– Идём-идём на Мишкин двор.
А у Мишкиным дваре помин души,
Пуминають яны Валькину душиньку [6, № 19, 340; * 8].

Такое частое явление, как использование слов с уничижительными суффиксами способствует созданию иллюзии бытового разговора на улице между односельчанами, приближает картину, описываемую в поминальном духовном стихе, к реальной жизни.

Символический образ прощальной дороги («*дарогаю шырокая*», «*на сцёжачкі, па дарожачкі*») объединяет практически все поминальные духовные стихи. Именно на дороге встречаются чернушечки, которые рассказывают о расставании души с телом, дорогу предстоит преодолеть душе, чтобы прийти домой, к своим родным, по дороге бредёт Божья Мать. Символика пути, соединяющего два мира – реального и потустороннего – очень важная деталь всех духовных стихов.

Сохранность поминальных духовных стихов в рассмотренном регионе Кричевско-Шумячского пограничья связана их тесным сплавом с похоронно-поминальной обрядностью Смоленского региона, которая, претерпев определённую неизбежную трансформацию на протяжении XX столетия, сегодня продолжает бытовать в достаточно чётком, спаянном обрядовом комплексе.

Особенностью образной сферы поминальных духовных стихов Смоленщины становится ее дуализм. Единство в восприятии христианских и языческих образов-символов – вообще типичное явление в духовных стихах с их апокрифичностью. Мы не раз об этом писали, когда совершенно свободная, апокрифическая трактовка сюжетов и персонажей духовных стихов обусловлена народным восприятием христианства. Происходит максимальное приближение канонических героев к реальной жизни, мотив чуда трактуется вполне определённо, естественно, без какого-либо налёта волшебства. Отсюда – такая теплота и естественность в восприятии слушателем исполняемого произведения, героя которого изначально являются неземными персонажами, им поклоняются, чтят, но одновременно любят и относятся, словно к родным.

Музыкальная составляющая поминального обряда Смоленщины – тесный сплав элементов традиционной лирической песни, кантовой культуры, а также городской гомофонно-гармонической. Особенностью функционирования музыки в поминальном обряде Смоленщины стало присутствие отдельных, нетрадиционных для помина в жанровом отношении, духовных стихов и псалм, которые взаимно влияют и дополняют друг друга.

Отдельным моментом является диалектное, языковое переосмысление русских по своему происхождению поэтических текстов, которые часто адаптируются, приспособливаются к новым белорусским языковым условиям. Это связано с дополнительной нагрузкой на исследователя, для которого знание белорусского языка с его лексическими, фонетическими особенностями становится просто необходимым условием грамотной

фиксации образцов народнопесенного музыкального творчества на территориях, где до сих пор живут этнические белорусы.

Особое отношение исполнительниц к поминальным духовным стихам связано с самим мировоззрением, исходя из которого, как замечательно пишет Е. Н. Разумовская, традиционная женщина «будет привычно заботиться о мёртвых, как о живых, принося им на кладбище еду и питьё, убирая могилки, разговаривая с ними. И до тех пор пока сама будет жить, «свои покойники» будут жить в ней и рядом с ней» [3, 101].

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. Мы записали две песни в деревне Курганово, однако уже тогда эту деревню можно было назвать умирающей, традиционные песни практически никто не пел.

* 2. См., например, публикации в Смоленском этнографическом сборнике [6] : «Жила-была сиротынька» [Т. 2, № 27, 345], «Ни было в сироточки атца-маминьки» [Т. 2, № 188, 188]; о Юрии – «Стари люди ня верили Богу» [Т. 2, № 39 «Стари люди ня верили Богу», 356]; рождественские – «А йна его родила», «Радуйся Марея, радуйся Преснодева» [Т. 1, № 16, 636]. Авторы издания указывают: «Отметим также единичные случаи обозначения стихов как псалом (Шумячский р.) или псальм (Монастырщ. р.)» – [Т. 2, 134].

* 3. На сегодня это женщины, а не мужчины-лирники, которые еще до 70-х гг. XX в. являлись носителями традиции исполнения и складывания духовных стихов.

* 4. Мы сохраняем в своей транскрипции диалектные особенности речи информаторов.

* 5. Анна Лукьяновна Мураева (1917 г. р.), Елена Прокоповна Третьякова (1930 г. р.), Ольга Антоновна Селиверсова (1916 г. р., род. в селе Добром Мстиславльского района Могилёвской области, в Зимонино – с 1941 г.); Нина Лукинична Шуравко (1928 г. р.).

* 6. По свидетельству авторов Смоленского сборника, духовные стихи о молодом юноше поются молодому умершему мужчине или парню.

* 7. Об этом я пишу в ст. «Белорусские варианты агиографического духовного стиха «Сон Пресвятой Богородицы» [1, 130].

* 8. Нами подчеркнуты имена, употреблённые с уничижительными суффиксами, что так типично для уличных деревенских обращений: Валька, Мишка, Стёпка, Дуська и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранкевич, Л. Ф. Белорусские варианты агиографического духовного стиха «Сон Пресвятой Богородицы» / Л.Ф. Баранкевич // Фольклор : историческая традиция и современные полевые исследования. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Рудневой / ред.-сост. Н. Н. Гилярова, Е. В. Битерякова. – М. : Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2012. – С. 128 – 135.
2. Зимонино / Электр. ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Зимонино>. – Дата доступа : 10.03.2013.
3. Разумовская, Е. Н. Традиция похорон и поминов на территории русско-белорусского пограничья (по музыкально-этнографическим материалам 1970 – 2000-х годов) / Е. Н. Разумовская // Северобелорусский сборник : обряды, песни, наигрыши, плачи, ворожба : сб. науч. ст. и материалов / Мин. культ. Российской Федерации,

российский Ин-т истории искусств, редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – СПб. : РИИИ, 2012. – Вып. 1. – С. 88 – 107.

4. *Романов, Е. Р.* Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент») / Е. Р. Романов // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 4. – С. 118 – 145.

5. *Сергаева, А. В.* Поминальные обряды 40-го дня в д. Бересток / А.В. Сергаева // Живая старина. – 2001. – № 4. – С. 39 – 41.

6. Смоленский музыкально-этнографический сборник: в 3 т. / Российская Академия музыки им. Гнесиных; редкол.: О. А. Пашина, М. А. Енговатова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Индрик, 2003 – 2005. – Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / редкол.: О.А. Пашина [и др.]. – 2003. – 550 с.